

КРИЗИС МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Глобальный кризис охватывает все сферы общественной жизни – от материально-производственной до духовной: он проявляется как кризис технологий в предметной деятельности, доверия в системе отношений, картины мира в сознании, и в целом может быть обозначен как кризис человеческого способа жизни вообще.

На каком теоретическом или эмпирическом основании базируется тезис об обязательности выхода из кризиса? Положение о том, что так всегда было, слишком поверхностно и неубедительно. Остается некое философское объяснение по схеме: человеческое существование не может оборваться в своей эволюции и просто угаснуть, потому что оно слишком инерционно имеет большой запас прочности и необходимо выйдет из очередного провала на ровную линию, очередной этап относительно устойчивого развития. Кризис представляет собой периодическое нарушение ритма устойчивого развития, переход к его новому очередному витку.

Соответственно, прописываются некие механизмы сбоя (вхождения в кризис) и возвращения в равновесное состояние (выхода из кризиса). Либо это процессы надстроечного характера, например, в финансовой сфере, когда происходит разбалансировка экономики по причинам спекулятивной природы, начинаясь в одном звене и проходя по всей системе, но неизбежно заканчиваясь. Либо речь ведется о фундаментальных производственных процессах в виде исчерпания материально-технической базы общества (ресурсов, техники и технологий). В этом случае вхождение в новое равновесное состояние связывается с созданием новой материально-технической базы (переходом к новым ресурсам, технике и технологиям).

Но в том и другом случае предполагается определенная социальная перегруппировка: кто-то упал и исчез, кто-то вознесся. Кризис обостряет борьбу за существование вплоть до ее крайних военных форм. Степень напряженности и масштабы борьбы определяются масштабами системы социального взаимодействия. Сейчас это весь мир.

Человечество в каждый данный момент времени переживает свою историю впервые и никогда не имеет определенного, конкретно предсказуемого будущего. Главное – понять закон общественной жизни. А рассуждения по типу – война закончится миром, кризис выздоровлением и т.п. малопродуктивны. Здесь важно другое – война закончится не просто миром, а чьим-то поражением или победой, кризис, соответственно, завершится чьим-то выживанием или гибелью. Борьба за существование никогда не прекращается, она всего лишь неравномерна, кризис – ее пик. Сейчас новизна истории состоит в глобализации общественной жизни. Такого состояния общество не переживало, и никто не может точно сказать, как дела пойдут дальше. Астрологи оперируют какими-то одним им

известными цифрами истории, эксперты от экономики и политики делают гипотетические заявления о времени появления света в конце тоннеля, а простые люди идут к гадалкам и прорицателям, укрепляют себя верой и молитвой, либо просто застыли в ожидании неизвестного. Главное, повторим, знать закон.

Гипотетически можно допустить возможность равномерного, бескризисного развития в рамках единого мирового хозяйства, обеспечивающего всеобщее равенство в виде то ли всеобщего благополучия, то ли всеобщего прозябания. Однако подобному допущению мешает то обстоятельство, что такое хозяйство невозможно в принципе в силу релятивистской техеносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести.

Вне социальности, в рамках цикличности материально-технического развития самого по себе, понятие кризисности теряет смысл. Специфика цикличности в обществе состоит в ее проявлении в системе фундаментального социального отношения “цель – средство”. Предсказание социальных процессов отличается от предсказания природных явлений, например, метеорологических, не большим количеством информации, а принципиальной невозможностью, поскольку социальные процессы представляют собой столкновение интересов, и в их предельном выражении – борьбу за выживание.

Кризис – общественное явление, состояние общества, он касается всех. Но переживание кризиса у каждого человека свое, у каждого человека свои проблемы, на которых люди сосредоточены. До других дела нет, надо удержаться на своем месте самому. Это объективное состояние человеческой жизни, требовать от людей большего нельзя и некому. В конечном счете, борьба с кризисом оказывается борьбой людей друг с другом, и различия в ней состоят лишь в том, в какой системе отношений она сосредоточивается, – внутри общности или вне ее, в отношении с другими общностями. Борьба людей друг с другом не означает, что они плохие по своей природе или испорченные в процессе совместной жизни. Люди не плохие и не хорошие, они объективно поставлены в отношение конкурентной борьбы за жизнь, а сама борьба не поддается какому бы то ни было ценностному суждению. Кризис, будучи объективным периодом общественной жизни, психологически характеризуется как трудные времена (а когда они были легкими?).

Психологическое ощущение кризиса в России, его экзистенциальное переживание в значительной степени определяется сложившейся за период реформ новой социальной, в первую очередь имущественной, дифференциацией, а также исторической памятью о “бескризисном социализме”.

Человечество, войдя в процесс глобализации, оказалось на распутье. Объективное содержание этого тезиса заключается в становлении единой системы внутреннего социального взаимодействия, то есть в исчерпании резервов развития на основе фундаментального социального отношения “цель—средство” в рамках внешнего, межобщностного взаимодействия. Конечно, разделения земного сообщества на внешние друг для друга общности еще хватает, возникают новые формы межобщностного разделения и неэквивалентного обмена результатами деятельности, появляются новые субъекты социальной дифференциации. Однако средства борьбы за выживание беспредельно усиливаются, угроза глобальной социальной катастрофы возрастает, а сама борьба за выживание все ближе к признанию в качестве нормального естественного состояния. Границы между “своими” и “чужими”, целью и средством становятся все более подвижными, при этом разум протестует против такого разделения, ищет из него выход, но не находит рецептов ни в религии, ни в светской утопии.

При увеличении общей массы общества усиливается социальная напряженность, потенциальная энергия которой в кризисные моменты высвобождается с нарастающей скоростью вплоть до полной концентрации в социальном взрыве. Соответственно, чем глубже социальная дифференциация в обществе, тем сильнее социальная напряженность и тем больше мощность возможного социального взрыва. Периоды глобальных кризисов характеризуются реальными возможностями мировых войн и социальных революций.

Глобализация означает переход к состоянию перманентного мирового кризиса, понимаемого как непрерывное прохождение крайних минимальных значений базовых ресурсных показателей материально-технического развития (энергия, сырье, загрязнение, продовольствие, пресная вода, население, территория) в их том или ином сочетании. Это означает, что кризисное состояние по какому-либо из этих или иных показателей будет постоянным, и чем шире будет их круг, тем разрушительней окажется кризис. Но трудно даже представить характер протекания и последствия всеобщего системного кризиса. Здесь понятно лишь то, что глобальный кризис обусловит возникновение качественно новой глобальной конфигурации мира, это будет переход земной цивилизации в качественно иное состояние.

Таким образом, традиционная схема объяснения кризиса методологически представляется недостаточной. Его масштабы, во-первых, и большая разбросанность экспертных прогнозов, во-вторых, показывают, что одних только финансовых технологий здесь явно недостаточно.

Ясно одно: стандартная схема мышления категориями цикличности развития уже не срабатывает, то есть не годится рассуждение типа “сейчас спад, но впереди неизбежен подъем, потому что так было всегда”. В условиях глобальной кризисности материально-технического развития, выражающейся в достижении обществом предельных значений по всем основным показателям исчерпаемости окружающей среды, каждый кризис может

оказаться последним в том смысле, что выход из него не будет означать возврата на исходные позиции продолжения роста, а будет означать переход на какие-то иные пути общественного развития с некой катастрофической прелюдией, о чем можно строить лишь смутные догадки. Разумеется, текущий кризис не будет *последним*, но то, что он будет эпохальным, это несомненно.

Итоговый теоретический вывод: объяснение общественной жизни в рамках абсолютистской модели методологически перестало работать. Процессы глобализации получают адекватное (рациональное, логически последовательное) объяснение в рамках релятивистской модели, основанной на релятивистской техносоциальной формуле общества. Говорить о достоверности, истинности или ложности здесь не приходится, поскольку объяснение общественной жизни всегда идеологически нагружено. Однако построение целостной модели общества в рамках релятивистского подхода более продуктивно. Релятивистская модель методологически более эффективна, потому что позволяет построить именно целостную модель, в которой все сферы, все элементы общества объясняются в одном методологическом ключе. Рассмотрение по отдельным сферам вообще вне какого-либо методологического основания является сугубо эмпирическим, оно ценно в плане технологии социальной борьбы, но теоретически никак не обосновано.

На фоне общей картины глобального мира становится понятно, что в безмерном пространстве человеческого бытия нет ни истинных, ни ложных направлений жизни, а есть только сама жизнь, являющаяся ценностью сама по себе и в самой себе содержащая цель и смысл. Таким образом, разные формы объяснения мира делятся не на более или менее истинные, а на более или менее эффективные в качестве средства выживания.

Человек с прозрачным сознанием, т.е. осознающий действие техносоциальной формулы, оказывается неспособным к определенной целенаправленной деятельности, поскольку любое действие, даже в рамках открыто заявленного стремления к превращению окружающих людей в средство собственного существования, не имеет рационального обоснования, оказывается бесцельным и бессмысленным. Рационально обосновать деятельностьную целеустремленность, активность жизненной позиции вообще невозможно. Человек активно действует только в мифе, независимо от средств его формирования в общественном или индивидуальном сознании, будь то психотерапия, действие галлюциногенов, церковная проповедь или

речь вождя-параноика. Любая вера иррациональна, она и только она обеспечивает обоснование человеческой активности. Отсутствие веры обуславливает отсутствие воли к жизни, поскольку без духовной составляющей простая организменная воля слепа. Соединение сильной веры и сильной воли дает нам целеустремленную, деятельностную личность.